



МЭРИ
И ВЕДЬМИН
ЦВЕТОК

МЭРИ СТЮАРТ

Мэри Стюарт

Мэри и ведьмин цветок

«Азбука-Аттикус»

1971

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Стюарт М.

Мэри и ведьмин цветок / М. Стюарт — «Азбука-Аттикус», 1971

ISBN 978-5-389-15073-7

Непоседе Мэри кажется, что каникулы у двоюродной бабушки в деревне тянутся целую вечность. Но скуке приходит конец, когда девочка встречает черного кота и он приводит ее в лес — на то место, где растет красивый, но очень странный цветок. Старый садовник рассказывает Мэри, что этот цветок с незапамятных времен считается волшебным — он цветет лишь раз в семь лет, и тому, кто найдет его, дарует необыкновенную силу и власть. С помощью чудесного цветка Мэри на маленькой метле взмывает за облака и приземляется в сказочной стране. Девочка оказывается в школе ведьм, где ее принимают за новую ученицу. Она начинает учиться колдовскому искусству, но вскоре понимает, что в сказочной стране творится что-то неладное...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-15073-7

© Стюарт М., 1971
© Азбука-Аттикус, 1971

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мэри Стюарт

Мэри и ведьмин цветок

Посвящается Трою, моему домашнему фамильяру¹, и Джонни, коту, пришедшему с холода



Mary Stewart
THE LITTLE BROOMSTICK
Text copyright © Mary Stewart, 1971
Illustrations copyright © Hodder and Stoughton, 1971
'Mary and The Witch's Flower' film artwork © 2018 M.F.P.



All rights reserved
First published in Great Britain in 1971 by Hodder and Stoughton.
The moral right of the author has been asserted.

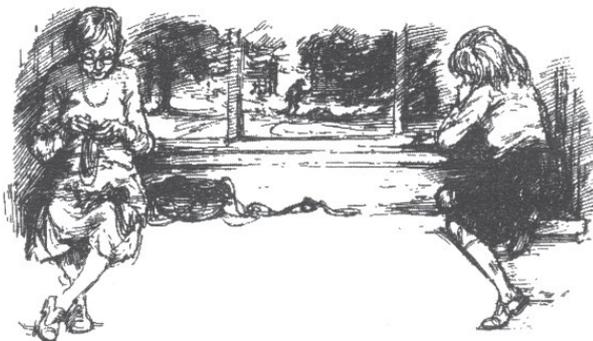
Перевод с английского Марины Клеветенко
Серийное оформление Татьяны Павловой
Оформление обложки Виктории Манацковой

В оформлении книги использованы иллюстрации Ширли Хьюз (Shirley Hughes)

© М. Клеветенко, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018 Издательство АЗБУКА®

Глава 1

Бедная крошка плачет у окошка



Даже имя у нее было самое заурядное – Мэри Смит. «Какая же тоска, – думала Мэри, – когда тебе десять лет, ты сидишь в комнате одна, и глядишь в окошко на серый осенний день, и вдобавок зовешься Мэри Смит».

Ей одной в семье не повезло с внешностью. У Дженни длинные волосы золотистого оттенка, а Джереми все называют красавчиком. Они старше, умнее и гораздо, гораздо симпатичнее Мэри. Кроме того, они близнецы и всегда вместе, а Мэри младше их на пять лет и порой ощущает себя единственным ребенком. Нет, она не завидовала близнецам; напротив, ей казалось естественным, что у них есть то, чего нет у нее. А теперь еще и это...

Поначалу, когда выяснилось, что папа уезжает в Америку за месяц до конца каникул и берет маму с собой, все складывалось не так уж плохо. Решили, что Дженни и Джереми поедут в Йоркшир на ферму к однокласснику Джереми, а Мэри – к маминой сестре тете Сью, у которой трое детей, одиннадцати, восьми и четырех лет, и живет она в часе езды от моря.

Однако в тот день, когда Дженни и Джереми уехали, пришло письмо от тети Сью. Она сообщала, что дядя Гил и старшие дети слегли с гриппом и в таких обстоятельствах тетя Сью не считает себя вправе рисковать здоровьем Мэри, не говоря о дополнительных хлопотах, которых требует уход за больными...

Вот так всегда. Опять близнецам все, а ей ничего. Пусть Мэри не будет собирать урожай, не увидит тракторов и не покатается на двух стареньких пони с фермы, но она надеялась, что ей хотя бы разрешат поехать к тете Сью и подхватить грипп. По крайней мере, болела бы в компании.

Сейчас, когда Мэри в одиночестве грустила у окна, грипп казался счастьем. Она совершенно забыла про температуру, ломоту в костях, про то, как скучно лежать в постели. И даже про липучку Тимоти, который в свои четыре года порой – а если честно, то всегда – бывал несносен. Зато как чудесно они проводили бы время с началом выздоровления! Читали бы книжки, играли, болтали и смеялись. Мэри так и видела перед собой эту картину, в пятнадцатый раз сокрушаясь, что не уехала к тете Сью и не заболела до того, как мама, получив письмо, бросилась к телефону. В итоге Мэри виновато спровадили в тихий деревенский дом к двоюродной бабушке Шарлотте.

Где не происходило ровным счетом ничего. Скорее бы каникулы кончились – в школу и то лучше ходить...

И теперь Мэри хмуро взирала на сад, где ветер шелестел палой листвой на лужайке.

Двоюродная бабушка Шарлотта, старенькая, добрая и совершенно глухая, жила в Шропшире, в просторном доме красного кирпича. Чтобы добраться до проезжей дороги, нужно было

шагать примерно милю через лес и вишневые сады. Сады когда-то принадлежали усадьбе, но теперь их арендовала компания, которая выращивала вишни на продажу. Калитку в сад закрыли, ходить туда не разрешали. Половину дома тоже сдавали, но жильцы уехали отдыхать, и от вида ставней на окнах и запертой древней боковой двери делалось еще тоскливей.

Деревушка Редмейнор – десяток домов вокруг церкви и почтового отделения – лежала в миле от дома. К деревне вела узкая проселочная дорога; Мэри иногда по ней гуляла и ни разу не встретила ни единой живой души.

Бабушка Шарлотта жила вместе со старинной подругой и компаньонкой мисс Марджорибанкс (произносится Маршбанкс), престарелой шотландской экономкой миссис Маклойд (произносится Маклауд) и стареньким пекинесом по кличке Кун-цзы (произносится Конфуций). Для полного счета еще были миссис Бэнкс и ее дочь Нэнси, которые приходили убираться, и старый садовник Зеведей. Не лучшее общество для мисс Мэри Смит, застенчивой особы десяти лет от роду.

Мисс Мэри Смит критически осмотрела в зеркале свой язык. Здоровее не бывает. Да и почувствовала она себя превосходно.

Мэри спрятала язык, снова показала его своему отражению и спустилась на первый этаж, поискать какое-нибудь занятие.

В гостиной у окна мисс Маршбанкс разбирала шелковые нитки для вышивания. В камине догорало одинокое полешко, а перед огнем, переваривая второй завтрак, восседал недовольный Конфуций. Двоюродная бабушка Шарлотта расположилась в кресле с подголовником, сбоку от камина, и, вероятно, тоже переваривала второй завтрак, но в отличие от пекинеса выглядела вполне умиротворенной. Бабушка Шарлотта спала.

Мэри на цыпочках скользнула к окну, тихонько села рядом с мисс Маршбанкс и стала смотреть, как та вытаскивает нить абрикосового цвета из мотка светло-терракотовой пряжи. Вместе цвета смотрелись ужасно. Мисс Маршбанкс тянула, встряхивала, выпутывала и наконец схитрила – отрезала обе нитки ножницами. Затем стала наматывать их на полоски, сложенные из газет.

Мэри открыла было рот, чтобы предложить помощь, но мисс Маршбанкс сурово глянула на нее старческими голубыми глазами.

– Тсс, Конфуция разбудишь, – прошипела она, отодвигая коробку с нитками подальше. – А Конфуций разбудит твою бабушку.

– Но я... – начала Мэри.

– Тсс, – повторила мисс Маршбанкс.

Так же на цыпочках Мэри вышла из гостиной и целых две с половиной минуты закрывала за собой дверь, чтобы та не скрипнула.

На кухне миссис Маклауд готовила перевернутый пирог. Кухарка стояла перед выдавшим виды кухонным столом и что-то размешивала в желтой миске. Она едва ли заметила робко вошедшую Мэри, поскольку разговаривала сама с собой на каком-то очень странном языке. «Или, – внезапно подумала Мэри, переведя взгляд с худого лица и костлявых рук миссис Маклауд на кипящую рядом на плите кастрюльку, – творила заклинание».

– Пару унций муки, – бормотала миссис Маклауд, энергично размешивая ложкой, – щепоть соли, маленько сахарку...

– Что вы готовите? – спросила Мэри.

Миссис Маклауд вздрогнула, так что деревянная ложка стукнула о миску, а на столе задребезжали жестянки с солью, сахаром и содой.

– Боже милосердный! – воскликнула кухарка. – Испужала-то как меня, деточка! Чего тебе?

Миссис Маклауд вновь принялась размешивать тесто, глядя в потрепанную поваренную книгу, прислоненную к миске с яйцами.

– Эх, то ли дело раньше! А теперь без книжки как без рук. Две унции растопленного масла...

– Можно я помогу? – робко спросила Мэри, подойдя ближе. – Дома я помогаю маме печь булочки... Она дает мне кусочек теста...

– Нет, – перебила ее кухарка, но вовсе не грубо. – Седни я булочек не леплю, только пирог к ужину, а это дело мудреное. Поди-ка лучше погуляй, чем тут толкаться. Может, распогодится.

Миссис Маклауд пробежала испачканным в муке пальцем по строчкам и нахмурилась:

– Придумают же! Хорошенько взбить половину яйца... Ты когда-нибудь о таком слышала?

– Белую или желтую? – уточнила Мэри, заглядывая в книжку.

Тут варево в кастрюльке зашкварчало, кухарка бросилась к плите и сдернула кастрюльку с огня.

– Эдак пригорят мои абрикосы! Ступай, деточка, в сад, не то останемся без пирога. Мне дело делать надо, а не ляды с тобой точить.

Мэри медленно вышла из кухни и через судомойню направилась к задней двери.

Дочь миссис Бэнкс, Нэнси, снимала с веревки белье.

Нэнси была крупной розовощекой девушкой с пухлыми руками и яркими карими глазами. Она улыбнулась Мэри поверх стопки наволочек и приветствовала ее на своем тягучем шропширском наречии.

– Помочь вам развесить белье? – предложила Мэри.

Она подняла с пола упавшие прищепки и положила их в карман фартука Нэнси, где лежали остальные.

– Белье почти высохло, – с улыбкой протянула Нэнси. – Мы с мамой как раз собирались гладить.

Нэнси выдернула жердь, чтобы веревка провисла посредине, сняла последние простыни и сунула прищепки в карман фартука, когда из пристройки, где стирали белье, раздался пронзительный голос ее матери:

– Нэнси, что ты там возишься? Где простыни?

– Иду, мам! – крикнула Нэнси и, улыбнувшись Мэри на прощание, исчезла за дверью.

Если бы Мэри не искала Зеведея, то никогда бы его не нашла. Как все хорошие садовники, он выглядел скорее частью сада, чем живым человеком. В выгоревшей куртке, изношенной шляпе и штанах, перевязанных под коленями бечевкой, Зеведей больше всего походил на старую рухлядь, забытую в сарае. Щеки под полями ужасной шляпы были красно-бурыми, как цветочный горшок, а узловатые руки казались сплетенными из тех же пальмовых волокон, которыми подвязывают хризантемы.

Этим он и занимался, когда Мэри его обнаружила.

Луч осеннего солнца пробился сквозь серые облака, позолотил деревья и опавшие листья, которые шуршали под ногами, когда Мэри шла через лужайку. На фоне живой изгороди из кипарисов хризантемы кивали головками цвета бронзы, меди и кристаллов серы, и от них, от земли, от сухих листьев и ярких настурций шел печальный и прекрасный аромат осени.

Зеведей, прервав на миг свои труды, покосился на Мэри ясными, как у малиновки, стариковскими глазами, но промолчал. Взъерошенные головки хризантем качались, когда он перехватывал стебли пальмовой бечевкой. Садовник снова склонился над клумбой и исчез за цветами. Мэри с опаской спросила:

– А мне можно подвязать?

Головки хризантем качнулись снова, и моток волокон перелетел через клумбу.

Поймав его в воздухе, Мэри неуверенно шагнула вперед. Ужасная шляпа снова оказалась в трех клумбах впереди, прямо за громадным алым георгином. Садовник стоял к ней спиной, а его руки деловито шуршали в опавших листьях.

Мэри снова посмотрела на моток в руке, решила, что это приглашение помочь, и, раздвинув астры и громадные пылающие георгины, шагнула к краю клумбы.

Она начала медленно и аккуратно приматывать стебли к столбикам, стараясь не повредить листья. Старый Зеведей снова пропал из виду, но с кипарисовой изгороди, словно фамильяр садовника, слетела малиновка и уселась на стебель георгина, косясь на Мэри такими же ясными старческими глазками.

Солнечный луч медленно полз по ярким цветам и опавшим листьям. Девичий виноград на стенах дома отливал шелками старинного гобелена, а тонкие трубы, поймав солнечный свет, мягко сияли на фоне свинцового неба.

А затем, натянув бечевку сильнее, чем нужно, Мэри сломала стебель.

Это была самая высокая и красивая хризантема, и треск далеко разнесся в тишине. Огромный янтарно-желтый цветок поник головкой, роняя лепестки.

Мэри в ужасе замерла.

Внезапно, так же стремительно, как исчез, рядом возник Зеведей и раздраженно уставился на своего любимца.

– Зря я тебе разрешил, – с горечью промолвил садовник, и его голос, как и весь его облик, казалось, принадлежал саду: тонкий, хриплый, но странным образом певучий, словно ветер в трубе. – Детям и собакам нечего в саду делать. Иди-ка отсюда.

– Простите, – уныло пробормотала Мэри и, протянув садовнику моток, в отчаянии побрела прочь.

Она отыскивала проход в кипарисовой изгороди, за которым была калитка в лес, и бесцельно зашагала по тропинке, с каждым мгновением острее чувствуя одиночество. Ноги бесшумно ступали по влажному ковру бурых и желтых листьев. С одной стороны молодой дубок протянул над тропинкой пригоршню желудей, последние тонкие листочки дрожали на ветру. В развилке букового корневища, как в чаше, стояла темная вода, в ней плавал пух чертополоха. Над чашей, словно крыша, нависал оранжевый древесный гриб, а среди мха, грязи и гниющих веток скучились поганки.

Все вокруг говорило, что лето кончилось.

Мэри остановилась, и тишина умирающего леса тяжело легла ей на плечи.

В таком безмолвии даже звук, с которым желудь падал в мокрую траву, заставлял вздрагивать.

Внезапно, с грацией и спокойствием танцора, прямо на тропинке перед Мэри возник маленький черный кот.

Кот был черен от ушей до кончика хвоста: черные пяточки, черные усы и аристократические черные брови, которые топорщились над зелеными-презелеными глазами.

Кот застыл посреди тропинки и смотрел на Мэри. Затем открыл пасть, показав треугольник розового язычка и белоснежные зубки, и задал какой-то вопрос.

Вероятно, он спросил о чем-то очень простом, вроде: «Как дела?» Или: «Прекрасный денек, не находите?» Как бы то ни было, кот, очевидно, ждал ответа.

– Здравствуйте, – пробормотала Мэри. – Меня зовут Мэри Смит, а вас?

Кот не удостоил Мэри ответом. У него явно были дела поважнее. Он отвернулся, вежливо помахал хвостом и направился по тропинке вглубь леса. Впрочем, кот явно давал понять, что не собирается уходить от Мэри, а, напротив, приглашает ее пойти за ним.

Обрадовавшись, что нашла попутчика там, где меньше всего ожидала, Мэри последовала за котом. Она даже не пыталась его погладить. Кот совершенно точно знал, куда идет, и, не менее очевидно, дело у него было весьма важное, так что обращаться с ним как с обычным котенком было бы верхом нахальства.

Вскоре кот свернул с тропы, прошмыгнул под нависшими ветками снежнотродника, запрыгнул на упавшую дубовую ветку и оттуда принялся наблюдать, как Мэри с трудом продирается сквозь кусты.

Наконец она подошла к ветке. Кот не двинулся с места, однако пристально следил за девочкой.

Внезапно она вскрикнула от удивления и радости. Здесь, за кустами снежнотродника, под укрытием дубовой ветки росли цветы, каких Мэри еще никогда не видела.

Листья, собранные в тугие розетки, были удивительного сине-зеленого цвета, пятнистые, словно жабыя кожа, а над ними на тоненьком стебле покачивались гроздьи изящных фиолетовых колокольчиков. Лепестки изнутри отливали серебром, а пестики торчали наружу, словно длинные золотистые язычки.

Мэри опустилась на колени, чтобы получше разглядеть дивные растения, а рядом, поманивая хвостом и не сводя с нее зеленых-презеленых глаз, уселся маленький черный кот.

Глава 2

Тише, мыши, кот на крыше



Маленький черный кот сопровождал Мэри и на обратном пути. В руке она несла удивительный фиолетовый цветок, который сорвала в лесу.

Мэри вошла в дом с черного хода. Дверь в пристройку была заперта – наверное, миссис Бэнкс и Нэнси вернулись в деревню. В судомойне сидел на ящике садовник Зеведей, зажав коленями старую кадку. В кадке исходило паром какое-то густое варево, а садовник яростно перемешивал его палкой. Он так и не снял свою ужасную шляпу.

Сейчас он наблюдал за Мэри из-под полей этой шляпы. Вспомнив о сломанной хризантеме, девочка не без опаски приблизилась и протянула ему фиолетовый цветок:

– Не знаете, что это? Я нашла его в лесу. Никогда раньше такого не видела.

Ясные глаза садовника изучающе смотрели на Мэри. Кажется, он совершенно не сердился из-за сломанной хризантемы.

– Как же, знаю, – хмыкнул Зеведей. – В лесу растет. Хотя я не видел таких много лет. Где ты его нашла?

– Рядом с тропинкой. На самом деле его нашел кот.

– Кот? – переспросил Зеведей.

Маленький черный кот, одарив садовника надменным взглядом, принялся умывать мордочку.

– А как его зовут? – спросила Мэри.

– Кота? Или цветок?

– Обоих.

Старый Зеведей вернулся к своей кадке.

– Этот кот не часто сюда заглядывает, – сказал садовник. – И вообще не здешний, просто однажды пришел из леса. Я зову его Тиб.

– Тиб, – повторила Мэри, пробуя слово на вкус.

На мгновение кот перестал умываться, бросил на Мэри быстрый взгляд и вновь принялся тереть лапой ухо.

– Их двое, черный и серый, одного роста, с одинаковыми глазами, похожие как две капли воды. Я зову их Тиб и Гиб.

– Серого я не видела.

– Серый чаще бывает в деревне, – кивнул Зеведей. – Котам только дай поселиться в хорошем доме, потом их оттуда не выгонишь. На той неделе я видел, как эти двое сидят на ограде у дома викария, точно две сипухи.

– Точно – кто?

– Совы такие. Совы-полуночники. Думаю, эти коты – близнецы. Тиб и Гиб.

Мэри посмотрела на Тиба. Кот закончил умываться и сидел ровно, глядя прямо на нее. Глаза казались еще зеленее, чем прежде.

– Я хочу, чтобы он со мной остался! – воскликнула Мэри. – Тиб, ты останешься со мной? Викарий же не будет против? Может, если я попрошу...

– Коты всегда сами по себе, – ответил Зеведей. – Приходят и уходят когда захотят. Серый пригрелся на кухне у викария, а этот черненький часто шастает в нашем саду. Может быть, и останется, раз уж нашел себе компанию.

– А как же Конфуций? Мисс Маршбанк говорит, он не любит котов.

Зеведей хрипло хохотнул, словно ветерок прошелся по кронам дальнего леса.

– Ни одна собака не может посмотреть в глаза коту, а этот Тиб, сдается мне, может смотреть хоть на короля.

– Если он останется, завтра мы вместе поищем Гиба, – сказала Мэри. – Чем не занятие? Кажется, Тиб мастер находить всякие диковины. Вы сказали, что знаете, как называется этот цветок?

Зеведей ткнул в варево палкой, затем снова хмыкнул:

– Надо же! Первый раз в лесу, и сразу нашла его. Помню, мой папаша рассказывал, как деревенские в поисках цветка забирались в самую чашу. Давно это было, когда аптекари и доктора не попадались на каждом углу и простые люди лечились травами. – Садовник прищурился, разглядывая цветок. – Да, очень редкий, такой попробуй найди. Говорят, растет он только в одном месте, а цветет и вовсе раз в семь лет.

Мэри удивленно уставилась на садовника:

– Раз в семь лет?

– Говорю же, редкость так редкость.

– А как им лечились?

Старый Зеведей покачал головой, помешивая варево в кадке.

– Настой или порошки – не знаю, но говорят, в нем колдовская сила.

– Колдовская?

– Это все деревенские байки, – сказал садовник. – Небось в книжках цветок твой зовут иначе. Длиннющее название, да все не по-нашему. А цветет он и впрямь раз в семь лет, да еще осенью, когда другие растения отмирают. Вот люди и почитают его колдовским цветком. А еще говорят, в стародавние времена ведьмы собирали его в Черных горах и там, где раньше стоял древний город, а теперь все покрыто водой.

В чистенькой судомойне, где на полках стояли яркие коробки мыльного порошка и сушились алюминиевые кастрюли, а на свежевывытом полу лежал квадрат солнечного света из окна, слова садовника прозвучали странно.

Мэри смотрела на колокольчики на тонком стебельке. Сквозняк от двери шевелил их, и золотые пестики колыхались в серебряных чашечках.

– Волшебный цветок... – Она осторожно дотронулась до пестика. – Смотрите, Зеведей, золото остается на пальце... Так как он называется?

– Я же сказал, не знаю, как по-книжному, да и не собирают его больше, а в моем детстве звали по-разному: драконий язык, ведьмин колокольчик, Тибов корень.

– Тибов корень! – воскликнула Мэри. – Так зовут кота! Он нашел цветок для меня!

Зеведей снова хмыкнул.

– Выходит, и впрямь ведьмин кот, – благодушно согласился садовник. – Да и похож на ведьмино. Поэтому я и назвал его Тиб. А на самом деле его небось зовут Черныш или Уголек.

– Нет, его зовут Тиб, – сказала Мэри твердо. – И он совершенно точно ведьмин кот. Ведь он нашел для меня волшебный цветок – Тибов корень.

– У цветка есть еще одно имя, – сказал Зеведей. – Я называю его ночелёт.

– Как?

Но садовник не ответил, а когда она переспросила, вновь принялся яростно мешать палкой в кадке.

– А что у вас в кадке, Зеведей? – поинтересовалась Мэри.

– Отруби для кур, – буркнул садовник. – Гадкие, безмозглые тупицы. Ненавижу кур.

И, подхватив тяжелую кадку, вышел из судомойни.

Мэри смотрела ему вслед, затем повернулась, чтобы взглянуть на Тиба. В судомойне было пусто, а когда она распахнула дверь во двор, там тоже никого не оказалось.

Маленький черный кот исчез.

Это случилось, когда Мэри уже лежала в кровати и видела первые сны. Она проснулась под теплым одеялом, повернулась к окну – и услышала звук.

Дальний свист над деревьями. Словно ветер в вышине.

«Странно, – подумала Мэри, – ветра же нет. Должно быть, собирается гроза. Какая жалость, ведь завтра мы с Тибом хотели...»

Свист повторился, на этот раз ближе и ниже.

Пронзительный свист, вслед за ним шелест пробежал по листьям девичьего винограда, как будто великан провел по стене громадной ладонью, а окна задрезжали.

Мэри застыла, по коже побежали мурашки.

И тут раздался крик.

Глухой удар, крик прервался, словно тот, кто кричал, прикусил язык.

Наступила тишина.

И пока Мэри, не сводя глаз с окна, медленно садилась в кровати, кто-то поскребся о подоконник.

Мэри замерла от ужаса, потом медленно-медленно протянула руку к ночнику.

Она нащупала в темноте выключатель, глубоко вдохнула и нажала кнопку. Комнату озарил свет, а черное небо за окном будто отодвинулось. Однако что-то – еще чернее ночи – двигалось за стеклом. Что-то стучалось и царапалось в окно. Вспыхнули два зеленых глаза...

Со вздохом облегчения Мэри бросилась к окну.

– Тиб! Тиб! Ой, Тиб, как же ты меня напугал!

Мэри распахнула раму, и маленький черный кот скользнул в комнату. Не обращая внимания на Мэри, он замер посередине ковра: хвост трубой, шерсть дыбом, глаза словно огни светофора.

Мэри наклонилась к коту:

– Тиб, что с тобой? Что случилось?

Однако кот не обращал на девочку никакого внимания. Шерсть стояла, словно щетка для чистки камина, зеленые глаза не отрывались от окна. Мэри потушила свет и выглянула в темный сад.

За лужайкой смутно высились деревья. Низкие облака разошлись, чтобы показать кусочек чистого неба, усыпанного звездной пылью. В воздухе не ощущалось ни ветерка. С третьего этажа на лужайке внизу не было видно никакого движения.

Порыв ветра, только и всего.

А удар? А крик? Мэри закрыла окно, подхватила Тиба и принялась гладить сердито восторженную шерстку. Наверное, коты подрались. Когда коты дерутся, они ужасно вопят. Может быть, пришел Гиб, и они повздорили. Даже близнецы порой не ладят. Дженни и Джереми так вечно ссорятся.

– Завтра мы разыщем его, и вы помиритесь, – сказала Мэри Тибу.

Потом она забралась под одеяло, и Тиб, замурлыкав, свернулся калачиком рядом с ней.

Когда они устраивались на ночь, Мэри пришла в голову одна мысль.

– Тиб, – прошептала она в бархатное ушко, – как ты умудрился забраться на мой подоконник?

Однако кот, зарывшись носом в согнутые лапы, ничего не ответил.

Глава 3

Рано-рано поутру



И снова утро выдалось серым. Тучи, которые ночью разошлись, позволив звездам так красиво проступить на небе, снова набрякли над садом, и георгины поникли в неподвижном воздухе тяжелыми головками.

Мэри разглядывала их из окна столовой, темно-алые на фоне кипарисовой аллеи. Тиб, который спустился вместе с ней, георгины заботили мало. Он потребовал – и получил – блюдо молока. Мэри от всего сердца надеялась, что Тиб закончит завтракать до прихода мисс Маршбанк. Бабушки Шарлотты Мэри не боялась, к тому же та всегда завтракала в спальне.

– Тиб, пожалуйста, скорее, – прошептала Мэри.

Однако кот с удовольствием лакал молоко и не собирался ни из-за кого спешить. Крошечный розовый язычок деликатно и бережно собирал молоко с самого края блюда. Примерно четверть каждого глотка, с тревогой заметила Мэри, проливалась на пол.

В дверях раздался резкий голос мисс Маршбанк:

– Доброе утро, милочка. Уже позавтракала?

Мэри подскочила на месте и обернулась.

– Доброе утро, мисс Марджорибанк. Нет, еще нет.

– Маршбанк, – резко поправила пожилая леди. – Что ж, садись. Позавтракаем вместе.

Очевидно, ни кота, ни блюда мисс Маршбанк не заметила. Быстрой походкой она направилась к столу. Обычно во всех ее движениях, равно как и в словах, сквозила решительность и уверенность в себе. Однако сегодня Мэри заметила в ней необычную скованность. Пожилая леди очень осторожно опустилась на стул. Затем налила себе чая, и они приступили к завтраку.

Внешностью и манерами компаньонка бабушки Шарлотты разительно отличалась от своей старинной подруги и нанимательницы. Она была маленькая и худенькая, но при этом проворная, решительная, не привыкшая лезть за словом в карман, и к тому же – надо признать – настоящая командирша. Она раздавала указания экономке, матери и дочери Бэнкс и местным торговцам. Она раздавала указания бабушке Шарлотте, особе пухлой и добродушной. Мисс Маршбанк умудрялась руководить даже викарием Редмейнора; впрочем, на жену викария ее власть не распространялась. Мисс Маршбанк не раздавала указаний садовнику Зеведею, потому что никогда с ним не встречалась: при ее появлении он сливался с пейзажем, словно зебра, олень или палочник. А еще Мэри сомневалась, что мисс Маршбанк сумеет взять верх над ведьминым котом Тибом.

Тем временем Тиб завершил завтрак и привлек внимание мисс Маршбанк, вежливо поблагодарив Мэри. Затем прыгнул на подоконник, где принялся как ни в чем не бывало умывать мордочку.

Мисс Маршбанкс вовсе не рассердилась, а глянула на кота опасливо, почти испуганно.
– Этот кот, – резко промолвила она, – не из нашего дома. Как он сюда проник?

Тиб посмотрел на Мэри. Та решила, что должна сохранить его тайну.

– Он спал в моей комнате, – честно ответила она. – Наверное, ночью забрался.

Мисс Маршбанкс снова взглянула на Тиба, который с оскорбительной невозмутимостью продолжил умываться. Выражение его мордочки нельзя было назвать иначе как ухмылкой. Мисс Маршбанкс отвела глаза и тревожно заерзала на стуле.

– Вряд ли твоя бабушка Шарлотта разрешит тебе держать кота в спальне, милочка. Впрочем, – мисс Маршбанкс перевела пронзительные бледно-голубые глаза с яичницы на Мэри, – тебе, должно быть, одиноко здесь, в обществе старух?

Мэри попыталась вежливо возразить, но мисс Маршбанкс резко ее прервала:

– Разумеется, одиноко! И это вполне объяснимо, милочка, вполне объяснимо. Этот дом не для детей. Особенно если ребенок предоставлен самому себе. Вот если бы тут была твоя семья... уверена, вы нашли бы, чем заняться. – Она ласково кивнула Мэри. – Жалко, что викарий уехал отдыхать. Как было бы хорошо, будь у тебя товарищ для игр... и сад там прелестный, и спускается прямо к реке.

Вспомнив седого священника на воскресной службе, Мэри слегка удивилась, что мисс Маршбанкс считает его подходящей компанией для десятилетней девочки. Впрочем, мисс Маршбанкс, очевидно, плохо разбиралась в детях, к тому же так явно хотела проявить заботу, что Мэри промолчала. Внезапно она вспомнила, что Зеведей рассказывал ей о котах на стене сада. Возможно, Тиб и Гиб живут у викария, а сюда пришли, потому что проголодались? Что, если Гиб до сих пор бродит по лесу, голодный и одинокий? Она перевела глаза на Тиба, который закончил умываться и пристально смотрел на нее, словно читал ее мысли.

– Так дом викария стоит пустой? – спросила Мэри.

– С чего ты взяла? Нет, конечно. Пока викарий с семьей в отъезде, там живет старый мистер Спенсер, ты его видела на воскресной службе. Бедный викарий не может просто так уехать на отдых. Он должен кого-нибудь найти, кто будет служить вместо него.

– Понятно. – Мэри поспешила перевести разговор на самое важное. – А дети в доме есть?

– Есть, сын, зовут Питер. Примерно твоих лет. Как жалко, – снова посетовала мисс Маршбанкс, – что они в отъезде.

– А когда вернутся?

– Не знаю, милочка, но, возможно, сегодня выясню. Как раз об этом я хотела с тобой поговорить. – Мисс Маршбанкс поставила чашку на стол и принялась сворачивать салфетку. – Сегодня мы с твоей бабушкой собираемся навестить старого друга. Очень, очень старого, – добавила она, чтобы внести полную ясность. – А поскольку мы условились о встрече очень давно, придется тебе побыть дома одной.

– Ничего страшного, – ответила Мэри. – Я поиграю с Тибом, помогу в саду, найду, чем заняться.

Мисс Маршбанкс похлопала ее по руке:

– А завтра мы что-нибудь придумаем. Куда-нибудь прогуляемся, возможно, устроим пикник?

Мисс Маршбанкс с сомнением глянула на серое осеннее небо за окном.

Однако Мэри с радостью ухватилась за эту идею.

– А можно? Можно я устрою пикник сегодня, мисс Мардж... простите, мисс Маршбанкс? Я погуляю, и было бы здорово, если бы мне разрешили взять с собой ланч. И даже если солнце не выглядывает, сегодня тепло. Можно? Пожалуйста!

Мгновение мисс Маршбанкс размышляла.

– Почему бы нет? И хотя на дворе сентябрь, погода теплая, даже душная. Конечно, иди, милочка. Я попрошу миссис Маклауд приготовить тебе сэндвичи. Только не заходи слишком далеко, чтобы не потеряться...

– Нет-нет, обещаю! Я давно собиралась исследовать лес.

Внезапно Мэри вспомнила о фиолетовом цветке, который стоял в спальне в стаканчике для зубной щетки. Возможно, мисс Маршбанк знает его настоящее название?

– Я нашла... – начала она, но тут в столовую вошла бабушка Шарлотта, и вопрос повис в воздухе.

– Дорогая деточка, – сказала бабушка Шарлотта, целуя Мэри, – как твое здоровье?

Мэри ответила, что со вчерашнего дня ее здоровье не изменилось.

– Как спала? – ровным тоном, как свойственно глухим, спросила бабушка Шарлотта.

– Отлично, спасибо. Правда, ночью я проснулась...

– Что тебя разбудило? – резко спросила мисс Маршбанк.

Мэри даже вздрогнула.

– Шум. Наверное, коты подрались, – ответила она, и мисс Маршбанк, удовлетворившись ответом, откинулась на спинку стула. – А еще я слышала ужасный гром...

– Ком? – переспросила бабушка Шарлотта. – В кровати? Непорядок! Возможно, стоит сменить матрас...

– Не ком, бабушка Шарлотта! Гром! – повысила голос Мэри.

– Да-да, деточка, я все слышу. Комковатый матрас – это ужасно неприятно, – промолвила бабушка Шарлотта.

На этом разговор прервался, потому что в столовую, ковыляя, как утка, и сопя, как паровоз, ввалился старый и – придется это признать – довольно неприятный пекинес по кличке Конфуций.

Конфуций заметил Тиба, а Тиб заметил Конфуция.

– Ой-ой! – заойкала бабушка Шарлотта и безуспешно попыталась подхватить любимца на руки.

– Ой-ой-ой! – воскликнула мисс Маршбанк и вскочила было из-за стола, но поморщилась и снова села.

– Ой! – пискнула Мэри.

Она ничуть не испугалась за Конфуция, но очень беспокоилась о Тибе.

Впрочем, исполошились они зря. Ведьмин кот Тиб одарил Конфуция таким взглядом, что пес, который рванулся было вперед, предвкушая все прелести и радости погони, внезапно вспомнил, что его давно ждут в другом месте, и удалился с небрежным достоинством, а на самом деле просто позорно бежал с поля боя.

Тиб ухмыльнулся, пригладил лапкой ус и дал понять Мэри, что неплохо бы открыть окно, чтобы он мог совершить утренний моцион вокруг лужайки.

Вскоре после того, как бабушка Шарлотта и ее компаньонка отправились навестить старого-старого друга, Мэри, сложив сэндвичи в карман плаща, вышла в сад в поисках Тиба и садовника Зеведея.

Тиб где-то пропал, но Зеведей был тут как тут, катил тачку по дорожке мимо дома.

– Доброе утро, – поздоровалась Мэри. – Вы не видели Тиба?

Зеведей мотнул головой и покатил тачку дальше. Мэри пошла рядом.

– Сегодня мы собирались поискать Гиба, – объяснила она, – а Тиб взял да и удрал после завтрака.

– Вернется, куда денется, – сказал Зеведей, не останавливаясь. – Обычно коты возвращаются.

– Можно вам помочь?

– Ломать мои цветы? – спросил Зеведей, но взгляд из-под полей ужасной шляпы был вовсе не злой.

– Нет, конечно. Может быть, у вас найдется для меня работа попроще?

Зеведей остановил тачку и достал оттуда лопату, вилы и садовую метлу из прутьев, примотанных к толстому черенку.

– Нужно подмести листья, – сказал он, протянув Мэри метлу. – Сентябрь – самый грязный месяц. Надеюсь, ты не причинишь саду большого вреда, только постарайся метлу не сломать.

Усмехнувшись, садовник принялся перекапывать клумбу под окном, а Мэри начала сметать листья с лужайки.

На первый взгляд работа была простая, но вскоре, сражаясь с непомерно длинным черенком, Мэри обнаружила, что все куда сложнее, чем кажется. Сначала она мела размашистыми круговыми движениями, но листья проскальзывали сквозь прутья и преспокойно ложились туда, откуда поднялись. Затем Мэри решила сменить стратегию: держать метлу – которая была на несколько дюймов выше ее – над самыми прутьями и сметать листья в кучу короткими резкими движениями. Однако это оказалось очень утомительно, к тому же непослушные листья все равно разлетались по лужайке.

Наконец, когда ей удалось наместить приличную кучу листьев, откуда ни возьмись появился Тиб. Недолго думая, маленький черный кот влетел прямо на кучу, дважды перекувырнулся, взметнув в воздух охапку листьев, три раза обернулся вокруг себя и шмыгнул в сторону, задрвав хвост вопросительным знаком.

– Что ты делаешь, Тиб?! – возмутилась Мэри. – И не надейся, что я буду водиться с тобой после такого! Не мог подождать, когда я закончу?!

Вскоре, собрав кучу листьев, Мэри сложила их в тачку и откатила ее в ту сторону, куда исчез Тиб, к компостной куче у стены, отделявшей огород.

Опрокинуть тачку Мэри не смогла, но кое-как сгрузила листья и уже собиралась отвезти ее обратно, как вдруг заметила у стены среди палок и хлама для костра кое-что интересное.

Это была маленькая метла! Мэри выхватила метлу из кучи хлама. Метла пришлась как раз впору, легкая, с превосходным пучком березовых прутьев на конце. Довольная Мэри закинула метлу в тачку и покатила обратно к лужайке.

– Зеведей, смотрите, что я нашла! – воскликнула она, но садовник, похоже, вновь сделался невидимкой.

Как и Тиб. Однако не успела Мэри о нем вспомнить, как скрип и шорох сверху заставили ее поднять голову: маленький черный кот грациозно раскачивался на ветке липы.

– Осторожнее, Тиб! – воскликнула Мэри, но, понаблюдав за тем, как свободно кот чувствует себя на высоте, вернулась к работе. Теперь, под взмахами маленькой метлы, листья ложились туда, куда нужно.

Несмотря на тучи, в воздухе висела духота, а небо над поникшими кронами хмурилось, набухая сыростью. То и дело листья дуба, липы и бука с шелестом срывались с веток, покрывая лужайку постоянно меняющимися рисунками цвета охры и ржавчины. Где-то пронзительно запела малиновка.

«Еще одна тачка, – подумала Мэри, – затем сгоню Тибя с липы, и вместе отправимся в лес, там и перекусим». Судя по тому, что Зеведея нигде не было видно, садовник уже ушел обедать.

Мэри оперлась на метлу и откинула волосы со лба. И впрямь жарко. Внезапно она приметилла в траве что-то фиолетовое. Это был колокольчик ночелёта – должно быть, оторвался от стебля вчера, когда она несла свою находку домой.

Мэри подняла цветок с земли, но увядший венчик просто раскрошился в ладони, а фиолетово-алый сок лепестков и золотистая пыльца язычка окрасили пальцы. Мэри опустила раздавленный колокольчик в карман и потерла липкую ладонь о черенок метлы.

Затем снова начала подметать.

И тут это случилось.

Как только фиолетовый сок коснулся черенка, маленькая метла подпрыгнула и лягнулась, словно пони. Мэри машинально вцепилась в метлу, но та завертелась у нее под ногами, и девочка потеряла равновесие.

Но на землю не свалилась.

Когда Мэри, сжимая ручку метлы, начала падать вперед, пучок прутьев оказался у нее между коленей. Метла встала на дыбы, встряхнулась и взмыла к верхушкам деревьев, со свистом вспарывая воздух.

Она пронеслась мимо верхних веток. Мэри сидела ни жива ни мертва, изо всех сил вцепившись в черенок. Тут раздался треск, и, вытянув лапы, будто белка-летяга, Тиб с воплем спланировал на черенок позади Мэри. Метлу слегка встряхнуло, затем, прямая, словно копье, она устремилась вверх, к низко висящим тучам.

Глава 4 Между небом и землей



В мгновение ока они пробили нижние слои туч и понеслись сквозь серый туман. То, что снизу выглядело плотным, словно кусок влажной ткани, вблизи походило на клубящуюся взбитую пену. Метла беззвучно плыла, как по морю, оставляя за собой след, будто моторная лодка.

– Ах, Тиб! – воскликнула Мэри, и ветер унес ее слова в облако. – Тиб, что же нам делать? Это же ведьмина метла!

Ответа не последовало. Мэри, испугавшись, что кот свалился на крутом вираже, повернула голову. От этого метла затряслась так, что Мэри, уже не пытаясь оглянуться, изо всех сил сжала ее руками и ногами. Но девочка все-таки успела краем глаза различить Тиба – он черным слизняком распластался на прутьях, глубоко вонзив когти в деревянный черенок, зеленые глаза сверкали, хвост реял на ветру, словно знамя.

Внезапно они вынырнули из тумана на яркое солнце. Метла, замедлив скорость, выровнялась и заскользила над поверхностью туч.

Над ними раскинулись сияющие небеса, а внизу, сколько хватает глаз, сверкая всеми цветами радуги, клубились мягкие, словно снег, облака.

Мэри вскрикнула от удивления, ужаса и восторга, когда ее удивительный конь медленно поплыл над сияющим небесным сводом.

– А я еще жаловалась, что ничего не происходит! Но как же мы спустимся, Тиб?

Словно в ответ на ее вопрос, метла накренилась влево, и кот зашипел, цепляясь когтями за прутья.

Впереди показался грозовой фронт. Он медленно приближался, словно величественный айсберг среди льдин. Однако между белоснежным морем, над которым они плыли, и грозовой тучей Мэри заметила огромную темно-зеленую брешь в облаках. Именно туда, вздрогнув от черенка до последнего прутика, и устремилась метла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.